

Международные отношения*Правильная ссылка на статью:*

Коёвич С. Консociативная демократия в постконфликтных обществах. Возможность применения в Боснии и Герцеговине // Международные отношения. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0641.2024.4.72844 EDN: ZOFLDM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72844

Консociативная демократия в постконфликтных обществах. Возможность применения в Боснии и Герцеговине

Коёвич Сара

аспирант; кафедра Теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
ассистент; кафедра Иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10 к2

✉ sara.kojoovic96@gmail.com

[Статья из рубрики "ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2024.4.72844

EDN:

ZOFLDM

Дата направления статьи в редакцию:

19-12-2024

Дата публикации:

26-12-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию влияния институтов консociативной демократии на процессы умиротворения и демократизации в постконфликтных обществах. Во вступительной части определяются два подхода к изучению консociативной демократии: первый, который рекомендует консociативную демократию как желательную демократическую модель для глубоко разделенных обществ, и второй, который рассматривает консociацию исключительно как успешный механизм управления конфликтами без высокой демократичности. В данной статье также анализируется возможность, реализации консociативной демократии в Боснии и Герцеговине, как ярком примере постконфликтного государства, где даже спустя 30 лет после великой гражданской войны царит беспорядок и страх повторного разгорания межэтнического

конфликта. В рамках данной работы автор попытался объяснить причины, затрудняющие применение консогнативной демократии на Балканах в целом и в БиГ в частности. Исследование опирается на методологию Лейпхарта А., которая основана на сравнительном анализе эмпирических исследований опыта политического развития ряда государств. В основе методологии лежит системный подход, который позволяет рассмотреть объект исследования как целостный комплекс элементов, а также культурологический подход, помогающий понять особенности взаимодействия различных сегментов общества в выбранном для анализа государстве. Новизна исследования заключается в особом подходе к изучению консогнативной демократии, который больше сосредоточен на успешном установлении мира в постконфликтных обществах, а не на установлении демократии на этих территориях. Автор использует модель А. Лейпхарта, которая предполагает консогнативную демократию как политическую модель с сегментарным плюрализмом, включающую в себя множество оснований для деления людей на представителей тех или иных групп в многосоставных обществах. Такие различия могут иметь религиозную, языковую, расовую, этническую, региональную природу. Основными выводами данного исследования являются тезисы о том, что основная функция консогнативных институтов в постконфликтных обществах заключается в предотвращении возобновления насилия, а не в построении демократии. Также анализ реализации консогнативной демократии на территории Боснии и Герцеговины показывает, что теоретические доктрины консогнатии нелегко применить на практике в конфликтных обществах постюгославских государств.

Ключевые слова:

консогнативная демократия, постконфликтное общество, Босния и Герцеговина, демократизация, стабильность, демократия, несостоявшееся государство, гражданская война, постюгославские государства, Западные Балканы

Введение

Прикладные решения консогнативной демократии (особенно в странах «третьей волны демократизации») открыли важный академический и практический вопрос о взаимосвязи консогнатии, миротворчества и укрепления демократии. Традиционный подход к консогнативной демократической модели основывался на сомнении ее демократического потенциала. Таким образом, основной задачей классических теоретиков консогнативной демократии было доказать, что «...консенсуальная демократия может считаться более демократической, чем мажоритарная демократия, и во многих отношениях». [\[1, С. 79\]](#) Со временем подобные амбиции утихли. В большинстве современных публикаций консогнатия в основном изучается как подходящая основа для прекращения конфликтов и предотвращения их возобновления в хрупкой среде постконфликтных обществ. Основной осью анализа в этом подходе к консогнатии является взаимосвязь между консогнативными механизмами и поддержанием мира. Качество демократии, как правило, не является предметом изучения, хотя неявно предполагается, что там, где есть мир и демократия, успехи лучше. Наше намерение состоит в том, чтобы изучить в статье обе корреляции: консогнатия обеспечивает мир, и консогнатия гарантирует демократию, на примере глубоко разделенного постконфликтного общества – Босния и Герцеговина.

Сформулируем предмет нашего исследовательского внимания следующим образом: могут ли консогнативные механизмы, помимо влияния на завершение конфликта,

гарантировать долгосрочный мир и стабильность без опасности возрождения «призраков прошлого»? И в связи с вышеизложенным: являются ли императивы консociативного умиротворения постконфликтных обществ и их демократизации взаимоисключающими? Мы будем отстаивать позицию, согласно которой консociацию можно считать восприимчивым механизмом управления конфликтами в этих обществах, но не успешной моделью их демократизации. Учитывая характер проблемы, мы подойдем к исследованию с точки зрения институциональной парадигмы. Мы будем исследовать, как формальные и неформальные консociативные институты влияют на процессы умиротворения и демократизации глубоко сегментированных постконфликтных обществ.

Тезисы, которые мы рассматриваем в этой статье, заключаются в следующем: 1) вероятность сохранения мира выше в постконфликтных обществах, в которых существуют консociативные механизмы, чем в тех, которые их не успешно реализовали; 2) консociативные механизмы, применяемые в постконфликтных обществах, по своей сути подрывают процессы их демократизации; 3) Босния и Герцеговина является примером страны, где невозможно реализовать консociативную демократию из-за непоследовательности правящих политических партий и отсутствия общей цели на будущее.

Демократия и разделенные общества

Чтобы установить, по крайней мере в принципе, начало академического интереса к теме этнокультурного плюрализма, Уилл Кимлика правильно отмечает, что вопрос этнической принадлежности на протяжении большей части 20-го века, вплоть до 1970-х годов, считался второстепенным или решенным в почти все учебные дисциплины. [\[2, С. 363\]](#) То, что начинается в тот момент как осторожный вопрос о темах идентичности, в 1990-е годы перерастает в безграничную междисциплинарную дискуссию об обосновании требований сторонников политики идентичности и путях правового и институционального уважения этнокультурного разнообразия.

В рамках политической науки дискуссия развивалась одинаково широко как в области политической теории, так и в области эмпирико-институционального анализа современных политических систем. В то время как теоретики в основном были озабочены онтологическими и эпистемологическими основаниями плюрализма идентичности, политические эмпирики сосредотачивают свое внимание на вопросе: может ли представительная демократия с ее институциональными решениями выжить в обществах, характеризующихся заметной этнокультурной гетерогенностью. У классических теоретиков либеральной демократии такой дилеммы не было. Любая попытка найти в их работах хоть какой-то намек на тему культурного плюрализма или этнической принадлежности подвергается сомнению. Ранняя либеральная теория озабочена идеей того, как люди объединяются в политическое сообщество и как следует управлять политическими сообществами, в то время как вопрос о том, кто присоединяется, с точки зрения маркеров идентичности, остается в стороне. Джон Локк, таким образом, говорит об «первоначальном договоре, посредством которого ряд людей... создают сообщество или правительство, в котором большинство имеет право управлять другими», в то время как Гоббс указывает, что «государственное сообщество институционализировано когда множество людей согласны друг с другом...». [\[3, С. 20\]](#) Как мы видим, сторонами общественного договора являются индивиды, точнее люди, которые не выступают представителями этнических или каких-либо иных групп. Эти базовые знания либеральных теорий общественного договора имели важное значение для других «изобретений» либеральной вселенной, включая принцип политического

представительства. Либеральная демократия, таким образом, приобретает представительную форму и, что не менее важно, очищается от существенных отложений «старого режима». Это означало, среди прочего, что принцип политического представительства в соответствии с провозглашаемым нейтралитетом публичной сферы ни в коем случае не должен отражать индивидуально-идентичную структуру населения, а исключительно интересы предпочтений отдельных лиц. Таким образом, политика в либеральном смысле представляет собой не что иное, как «способ объединить в рамках нейтрального набора правил интересы отдельных лиц и направить их в политическую сферу, которая производит и формирует коллективные цели сообщества». [\[4, С. 185\]](#)

Минимальная концепция демократии, находящаяся под сильным влиянием работ Йозефа Шумпетера, остается доминирующей в современной демократической теории. Демократия в этой модели определяется узко и оперативно с точки зрения агрегирования интересов и партийной конкуренции. В своей книге «Капитализм, социализм и демократия» Шумпетер открыто приравнивает демократию к механизмам рыночного поведения индивидов. По его словам, демократия представляет собой «такую институциональную структуру принятия политических решений, при которой индивиды приобретают право принимать решения посредством конкурентной борьбы за голоса народа». [\[5, С. 122\]](#) Борьба за власть рассматривается как ключевая особенность демократической динамики. Сэмюэл Хантингтон, следуя определению Шумпетера, еще больше обостряет контуры процедурного понимания демократии. Для того чтобы страну можно было назвать демократической, сообщает нам Хантингтон, важно не только провести выборы, но и чтобы в ходе выборов сменилось правительство как минимум дважды. [\[6\]](#) Сеймур Липсет и Джейсон Лэйкин, приверженцы эмпирического определения демократии, дают следующее определение: «демократия — это институциональное устройство, при котором все взрослые люди имеют право голосовать на свободных и справедливых конкурентных выборах за свою основную исполнительную власть и за национальный законодательный орган». [\[7, С. 39\]](#) Как и Хантингтон, Липсет и Лэйкин также считают, что для демократии важно, чтобы существовала реальная вероятность того, что правящая партия потеряет власть. Вариант процедурной демократии представляет самый влиятельный послевоенный теоретик демократии Роберт Дауль. Хотя его определение выходит за рамки минималистского понимания демократии, оно совпадает с вышеупомянутыми определениями в двух своих ключевых столпах: демократия находится на пересечении конкурентоспособности и инклюзивности. [\[8\]](#) Плюралистический подход Дауля к демократическому процессу, несомненно, представляет собой важный вклад в демократическую теорию, но эта концепция, как и ранее упомянутые, недостаточно рассматривает проблему культурного плюрализма.

Эта оплошность станет причиной резкой критики, которая в итоге приведет к возникновению консociативной модели демократии. Этнокультурная сегментация современных государств, по мнению сторонников консociативной теории, представляет собой факт, который должны учитывать демократические институты. Сегментированные расколы могут носить религиозный, идеологический, языковой, региональный, культурный, расовый или этнический характер и особенно ярко выражены в постконфликтных обществах. Партии, группы по интересам, средства массовой информации, школы и добровольные объединения организованы по этим расколам. Глубокие этнические, религиозные, культурные и другие социальные разногласия и следующие за ними группировки являются препятствием для «нейтральных» демократических процедур. Там, где политические предпочтения избирателей формируются по этническому или религиозному принципу, партии, представляющие

меньшинства, как правило, не способны сформировать большинство. Они системно не одобряются и не поощряются к участию в правительстве. В этих обстоятельствах, говорят нам сторонники ассоциации, демократия должна действовать осторожно. Классические, агрегированные механизмы, учитывая, что они игнорируют проблему этнокультурного разнообразия и идентичности, неизбежно лишают меньшинства возможности участвовать в процессе принятия решений. Дефицит легитимации модели большинства в этнически неоднородных, разделенных обществах может в итоге привести к кровавому растворению политического сообщества или к возобновлению насилия в случае постконфликтных обществ. Взрыв этнических конфликтов в девяностые годы прошлого века еще больше укрепит позицию сторонников объединения о том, что стабильная демократия в сегментированных обществах недостижима без той или иной формы политизации этноса.

Консociативная демократия как механизм управления конфликтами

Консociативные институциональные решения (разделение власти, автономия, право вето и пропорциональная система) стали популярным средством прекращения гражданских войн. В обширном анализе мирных соглашений, положивших конец военным действиям в 38 странах в период с 1945 по 1998 год, Мэтью Худи и Кэролайн Хартцелл приводят только одно соглашение, которое нельзя классифицировать как консociацию. [\[9, С. 7\]](#) Хельга Малин Бинингсбо в количественном исследовании, в которое она включила 118 постконфликтных обществ в период с 1985 по 2002 год, также наблюдает положительную корреляцию между консociацией и достижением мира. [\[10\]](#) Столь же сильный вывод в поддержку тезиса о том, что консociативная демократия приносит мир, приводит Барбара Уолтер, которая утверждает, что вероятность того, что воюющие стороны достигнут соглашения, прекращающего конфликт, даже на 38% выше, если это соглашение включает в себя совместное разделение власти. [\[11, С. 13\]](#) В своих анализах вышеупомянутые авторы в основном рассматривают причины, по которым стороны переговоров предпочитают соглашаться на решения, содержащие консociативные элементы, а не на другие. Принимая их выводы, в следующих строках мы сделаем еще один шаг вперед и столкнемся с более сложной дилеммой - может ли консociация поддерживать мир в постконфликтных обществах и если да, то насколько успешно. Мы предложим несколько аргументов в поддержку тезиса о том, что вероятность сохранения мира в постконфликтных обществах, в которых существуют консociативные механизмы, выше, чем в тех, которые их не применяли.

Первой причиной положительной корреляции между применяемыми консociативными решениями и миротворчеством является инклюзивный характер формулы консociативного разделения власти, которая способствует уравниванию власти и политической значимости представителей социальных групп, находившихся в конфликте. В послевоенной обстановке, пропитанной негативными обидами и недоверием, механизм разделения исполнительной власти служит в этих обществах первоначальной заменой дефицитного ресурса - взаимного доверия. Процесс консociативного умиротворения постконфликтных обществ через восстановление доверия между вчерашними военными противниками реализуется в два этапа: сначала на уровне элит, представляющих свои социальные группы, а затем на уровне лидеров и членов социальных групп. Включение представителей всех соответствующих сегментов в процессы принятия решений (прежде всего на исполнительном уровне) соответственно ограничивает синдром «дилеммы безопасности». Лейпхарт совершенно прав, когда утверждает, что в условиях отсутствия взаимного доверия после военных конфликтов «конечно, лучше быть у власти вместе со вчерашним соперником, чем позволить ему править в ваших интересах и оставаться в

оппозиции». [12, с. 31] В консогнативном устройстве лидеры разделяют власть и по соглашению, без разделения на победителей и проигравших, управляют государственными делами, гармонизируя особые интересы групп, которые они представляют. Согласие является необходимым условием при принятии решений, и их реализация имеет больше шансов на успех, если в их создании участвуют представители всех заинтересованных сообществ. В соответствии с инклюзивной логикой разделения исполнительной власти лидеры аккумулируют крупные позиции как на микроуровне (уровень той социальной группы, которую они представляют), так и на глобальной (государственной) политической арене. Выступая в роли «стейххолдеров», они балансируют интересы центра и отдельных сегментов, становятся заинтересованными в сохранении сообщества и своих позиций во власти. На этом этапе происходит еще один важный процесс консогнативного умиротворения постконфликтных обществ. Элиты, которые ранее были выбраны для представления и защиты интересов своих групп, успешно выполнив эту задачу, теперь требуют от своих последователей ответной услуги по признанию легитимности государственных институтов, частью которых они являются. Таким образом происходит «примирение» государства и общества/обществ, и консенсус элиты начинает распространяться на все сегменты плюралистического сообщества. Процессы сотрудничества и приспособления, как мы видим, принимают форму рационального выбора элит. В тот момент, когда цена потенциального возвращения к войне становится выше, чем заинтересованность в сохранении мира, вероятность того, что одна из сторон выйдет из консогнативного соглашения, резко падает.

Укреплению взаимного доверия способствует и другой важный «ингредиент» консогнативной инженерии — принцип пропорционального распределения влияния на ключевых государственных должностях. Это предполагает не только пропорциональное распределение мест в парламенте, но и присутствие представителей соответствующих социальных групп в других государственных органах (судебной системе, финансовых учреждениях, государственных компаниях). В постконфликтных обществах особенно важно, чтобы, следуя принципу пропорционального представительства, все стороны в новом консогнативном устройстве (даже те, которые считались повстанцами в военных конфликтах) были представлены в единой военной силе.

Многочисленные исследования показывают, что автономная организация определенных социальных сегментов может оказать столь же положительное влияние на стабилизацию условий в постконфликтных обществах. Подобно разделению исполнительной власти и пропорциональному представительству в ключевых государственных институтах, ограниченная форма самоуправления усиливает чувство безопасности и устраняет опасность принятия решений на уровне центральной власти, которые могут противоречить частным интересам различных субнациональных групп (например, проблемы в сфере образования, религиозных организаций и языковых стандартов). Автономия может быть достигнута на личном или территориальном уровне, в зависимости от того, совпадают ли границы социального и регионального раскола.

Есть ли демократия в консогнативной демократии?

На предыдущих страницах мы объяснили, почему, по нашему мнению, консогнативные институты не имеют адекватной альтернативы в процессе умиротворения постконфликтных обществ с высокой степенью социального раскола. Однако мы не можем наблюдать подобной положительной корреляции, рассматривая связь между консогнатицией и демократизацией. В следующих строках мы попытаемся указать на ключевые недостатки консогнатиции как модели демократизации постконфликтных

обществ.

Для того чтобы демократию можно было считать консолидированной, что, по мнению Хейга, Харропа и Бреслина, представляет собой последний этап демократизации общества, необходимо, чтобы «оппозиция имела реальные перспективы победить на выборах». [13] Консогниация теоретически и практически предотвращает возможность оппозиционных действий и периодической смены акторов власти. В таких условиях выборы теряют смысл, поскольку основные политические процессы происходят далеко за пределами избирательных процедур и зачастую тайно. Мнение общественности незначительно, что отрицательно сказывается на отсутствии интереса населения и политической анемии. Участники коалиционного консогниативного соглашения под предлогом сохранения наследия мирного соглашения, как правило, не позволяют другим, более умеренным партиям войти в правительство. Аналогичным образом, консогниативные соглашения часто содержат негибкие положения о том, как разделить власть между бывшими соперниками.

Консогниативные положения мирных соглашений также создают неблагоприятную основу для реализации индивидуальных свобод и прав, включая права, необходимые для «демократической игры» политических прав. Нельзя упускать из виду тот факт, что главными «игроками» в консогниативных политических системах являются этнические элиты, а не отдельные личности (граждане). Ассоциация больше ориентирована на продвижение коллективных прав, особенно в границах этнорелигиозных коллективов. Социальная группа, к которой принадлежит человек, опосредует его отношения с более широким глобальным обществом. Коллективы вправе определять желаемый объем прав и свобод своих членов, что приводит к отступлению от основного либерального правила об отделении политico-правовой идентичности от культурно-этнической. [14, С. 43] Своеобразная феодализация государства и официальное разделение на различные этнорелигиозные коллективы подрывают ощущение общей гражданской (политической) идентичности, основной функцией которой является преодоление указанных особенностей. В своих наиболее радикальных последствиях примат коллективных прав может снизить готовность граждан к взаимной солидарности. Социальные позиции цементируются групповой принадлежностью, а групповая интердинаамика сводится к соглашениям уполномоченных представителей коллективных идентичностей. Ливанский социолог Антуан Месара предупреждает об этой опасности, ярко описывая консогниацию как «систему потолка социальных позиций», которая постоянно распределяет определенные места в политической и более широкой социальной среде без перспективы изменений. [15, С. 8] Сам Лейпхарт согласен с утверждением, что предопределенное распределение социальных позиций и, следовательно, социальных шансов является наиболее разворачивающим элементом консогниации, поскольку оно сопротивляется попыткам его пересмотреть. [16] Чтобы вообще иметь возможность говорить о демократии, заключают противники жесткого мультикультурализма, нам необходимо вернуться к культурно недифференцированному гражданству и отвергнуть условия, характерные для домодернистских обществ, в которых политический статус индивидов определялся их этнической принадлежностью, религиозной, культурной или классовой принадлежностью.

Причины частых консогниативных спотыканий процесса демократизации можно найти и во влиянии международных факторов (государств или международных организаций, выступавших посредниками в достижении мира) на внутреннюю динамику постконфликтных объединений. Заинтересованность «третьей» стороны в выживании консогниативного строя, как правило, приводит к хроническому отсутствию автономных

демократических моделей воспроизведения политической власти.

Консociативная демократия на примере Боснии и Герцеговины

Босния и Герцеговина является ярким примером постконфликтного государства, в котором очень сложно реализовать консociативную демократию. Среди всех постюгославских государств эта страна является наиболее выраженным примером территории, где с самого ее основания и до сих пор на политической сцене присутствует беспорядок.

Самобытность этнической нации и легитимность ее представителей являются непременными элементами построения консociативной политической системы в Боснии и Герцеговине, несмотря на многочисленные противоречия, возникающие в вышеупомянутых отношениях.

Основные характеристики консociативной демократии, как отмечает Пономарева Е.Г., которые возможно было бы применить в БиГ, это: осуществление власти большой коалицией; пропорциональность как основной принцип политического представительства; взаимное право вето; высокая степень автономии сегментов общества в решении внутренних вопросов внутри каждой из групп. [\[17, С. 69\]](#)

Однако, вышеупомянутые условия сложно приминяемые в БиГ по разным причинам. С одной стороны, эта система обеспечивает мирное сосуществование различных этнокультурных групп в рамках общего государства. С другой – закрепляет власть этнических элит на определенных территориях и побуждает их использовать в политической борьбе националистическую риторику, тем самым увековечивая разделенность боснийского общества. [\[18, С. 144-145\]](#) Государственная власть, основанная на широкой коалиции представителей всех важных сегментов плуралистического общества, в Боснии и Герцеговине означает включение во власть законных представителей всех трех этнических общин. Принцип широкой коалиции в реальности этнически разделенных обществ означает признание общего суверенитета и равного представительства автохтонных этнических общин. Целью широких коалиций является разделение власти посредством ее совместного осуществления. «Разделение властей требует, чтобы государство управлялось совместно, а не одной узкой группой». [\[19, С. 49\]](#)

Разделение власти в контексте широких коалиций как принцип консociативной демократии представляет собой разделение при осуществлении одной власти и не означает разделения власти как избирательного «трофея». С другой стороны, разделение власти в форме широкой коалиции невозможно без предварительного определения отношений этнических общин к существующему государству. «Разделение власти требует согласия большинства представителей разных групп в определенной системе». [\[19, С. 49\]](#) Важным элементом широких коалиций является согласие правящих элит вокруг политической программы как плана действий в течение мандатного периода. В Боснии и Герцеговине нет готовности правящих элит согласовать программу развития общества и государства, поскольку государственная власть воспринимается не как право и обязанность, а как предвыборный трофей, который следует разделить между политическими сторонами, совершенно без обязательств и ответственности. Тот факт, что долгое время после выборов правительство на уровне Боснии и Герцеговины так и не было сформировано, подтверждает отсутствие ответственности политических партий перед гражданами и народами. Управление от имени народа трансформировалось в управление народом, что приводит к усилению

партийной власти и снижению демократичности политической системы. Коалиция нескольких партий трех этнических общин, образовавшаяся после первых многопартийных выборов осенью 1990 года, существовала лишь как «математическая формула», необходимая для захвата и осуществления власти. Программных коалиций, основанных на общих политических целях и отношении к государству, не существовало и не существует сейчас. Национальные элиты «сыграли ключевую роль в мобилизации этнической идентичности», [\[19, С. 23\]](#) но им не удалось создать минимальную общую основу по статусу и организации государства.

Широкие коалиции, сформированные в Боснии и Герцеговине на основе избирательной необходимости и общего интереса «раздела добычи», без минимальной программной основы не могут обеспечить демократические качества, характерные для консociативной демократии. Конституционная и политическая система Боснии и Герцеговины потенциально позволяет создавать широкие коалиции, но этого недостаточно, если между политическими партиями разных этнических общин нет точек соприкосновения. «Для формирования коалиции для совместного принятия решений и включения всех групп должна быть готовность всех основных партий, участвующих в формировании правительства, включить в состав правительства «других», иначе юридическое представительство останется всего лишь представительством, что приведет к тому, что правительство будет выглядеть как уменьшенная копия парламента». [\[19, С. 53\]](#) Широкие коалиции как важнейший элемент консociативной демократии в Боснии и Герцеговине невозможны до тех пор, пока правящие элиты понимают осуществление власти как владение правительством, а социальные и государственные ресурсы - как партийную выборную добычу.

Консолидация государства и демократии в Боснии должна подразумевать, прежде всего, создание сильного местного самоуправления, развитие неформальных институтов гражданского общества, ориентированных на социальный мир и стабильность, включение гражданских структур в принятие решений по самому широкому спектру социальных проблем. К сожалению, практика показывает, что реализовать это на территории Боснии и Герцеговины очень сложно. В этом плане Кудряшова и Мелешкина справедливо отмечают, что «между суверенитетом и гражданским обществом существует взаимная зависимость: гражданственность выступает основой суверенности, в то время как без суверенитета неформальные институты демократии и мира просто не могут сложиться. В итоге же лишь народный суверенитет, опирающийся на сильное гражданское общество, способен вытеснить из политической элиты националистических лидеров, подрывающих перспективы мирного развития. И печальный случай Боснии и Герцеговины — подтверждение этого правила». [\[20\]](#)

Заключение

В статье мы попытались доказать, что основная функция консociативных механизмов в постконфликтных обществах – положить конец конфликту и, что более важно, предотвратить возобновление насилия, а не построение демократии. В форме заключительного замечания мы выделяем наиболее важные аргументы в поддержку утверждения о том, что постконфликтные консociативные институты сохраняют мир, но не приводят к демократическим моделям государственного управления.

Анна Ярстад уже в первых строках текста, в котором она исследует проблемные взаимоотношения между объединением, демократизацией и умиротворением в постконфликтных обществах, справедливо предупреждает, что решение этого вопроса

равносильно «стрельбе по движущейся мишени». [\[9, С. 2\]](#) Тот факт, что это чрезвычайно «живая» материя, в которой задействовано множество показателей, открывает простор для различных, зачастую диаметрально противоположных, научных выводов. Сторонники и противники тезиса о причинно-следственной связи между консоциацией, постконфликтной стабилизацией и демократизацией, однако, сходятся в одном: консоциативные мирные соглашения стали за последние три десятилетия незаменимым средством прекращения военных конфликтов в глубоко разделенных обществах. Более вероятно, что противоборствующие стороны соглашаются на соглашение, содержащее консоциативные положения (разделение исполнительной власти, пропорциональное представительство в основных государственных институтах, право вето на принятие решений и автономию), чем на разрешение конфликта, организованное по стандартам мажоритарного принципа демократических процедур. Мотивы принятия консоциативной схемы многочисленны, но преобладают объяснения, объясняющие такую последовательность событий рациональным выбором воюющих сторон, основная цель которых не состоит в том, чтобы оказаться в подчиненном положении в послевоенной расстановке сил.

Консоциация является не только лучшим способом достижения мира, но и надежным средством его сохранения. Однако императив долгосрочной стабилизации постконфликтных обществ, как правило, ставит под угрозу любую попытку их демократизации. Причины обеих тенденций мы находим в логике действия консоциативных механизмов управления конфликтами. Признавая политическую значимость всех социальных групп и их требований, консоциативные институты усиливают чувство безопасности и взаимного доверия. С другой стороны, непроницаемые политические структуры, зарезервированные домены, примат коллективной идентичности в ущерб индивидуальным правам, а также значительная роль внешних акторов - гарантов мирных соглашений препятствуют установлению демократии в ее существенных аспектах. Похоже, что в случаях острых конфликтов идентичности и разногласий мирные посредники и стороны переговоров всегда имеют на столе только одно предложение: мир или демократия.

Хотя этот, на примере других постконфликтных обществ, успешный метод установления и поддержания мира, также применялся в Боснии и Герцеговине, в этой стране он не сохранился в своем первоначальном виде. Это постюгославское государство является примером такой организации общества, власти, политики и жизни в целом, где ни равное деление власти, ни равные права всех его граждан не являются гарантией успешного осуществления консоциативизма, основной целью которого является установление мира. Именно поэтому Босния и Герцеговина сегодня, спустя 30 лет после гражданской войны, остается нестабильной страной, полной огромных разногласий и отсутствия безопасности.

Библиография

1. Lajphart, A. Modeli demokratije. Podgorica: CID, 2003. 401 s.
2. Kimlika, V. Savremena politička filozofija. Beograd: Nova srpska politička misao, 2009. 527 s.
3. Divjak, S. Problem identiteta:kulturno, etničko, nacionalno i individualno. Beograd: Službeni glasnik, 2006. 274 s.
4. Pounavac, M. Poredak, konstitucionalizam, demokratija. Beograd: Čigoja štampa, 2006. 323 s.
5. Šumpeter, J. Kapitalizam, socijalizam i demokratija. Beograd: Kultura, 1960. 538 s.
6. Hantington, S. Treći Talas. Beograd: Stubovi kulture, 2004. 314 s.

7. Lipset, M. S. i Lejkin, M. Dž. Demokratski vek. Beograd: Alexandria Press, 2006. 321 s.
8. Dal, R. Poliarhija-participacija i opozicija. Beograd: Filip Višnjić, 1997. – 288 s.
9. Jarstad, A. The Logic of Power sharing after Civil War. Oslo: Center for the study of civil war, August 2006. 24 p.
10. Binningsbo M. H. Consonciational Democracy and Postconflict Peace. Oslo: Centre for the study of civil war, 2005. 18 p.
11. Walter, B. Committing to Peace. The Successful Settlement of Civil Wars. Princeton: Princeton University Press, 2002. 34 p.
12. Lajphart, A. Demokracija u pluralnim društvima. Zagreb: Školska knjiga, 1992. 341 s.
13. Hague, R. Harrop, M., Breslin, S. Komparativna vladavina i politika. Zagreb: Tehnička knjiga, 2001. 510 s.
14. Divljak, S. Manjinska prava i antiliberalizam. Beograd: časopis Prizma, Centar za liberalnodemokratske studije, 2003. 510 s.
15. Messarra A. N. The Lebanese Consensual Democracy, Constitution, Power Sharing and Civil Institutions, The Centre for International and Public Affairs. The University of Sidney, 2002. 36 p.
16. Liphart A. Power-Sharing and Group Autonomy in the 1990s and 21st century. Constitutional Design 2000, dec. 9–11, 1999. 18 p.
17. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 64-76.
18. Кудряшова И. В., Мелешкина Е. Ю. Разделение власти и формирование национального сообщества: осмысление боснийского опыта // АПЕ. 2021. №2 (110). С. 127-153.
19. Bieber, F. Institucionaliziranje etničnosti – postignuća i neuspjesi nakon ratova u Bosni i Hercegovini na Kosovu i u Makedoniji. Sarajevo: Forum Bosna, 2004. 514 s.
20. Соколова Е. Босния и Герцеговина: опыт несверенной демократии // Неприкосновенный запас. 2007. № 6 (56). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/6/bosniya-i-herzegovina-opyt-nesuverennoj-demokratii.html?ysclid=m52w3oythq740009147> (дата обращения: 10.12.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Двадцатый век многими исследователями воспринимался как торжество демократии, пускай в конечном итоге и демократии в либеральном смысле. Однако последние десятилетия не только выявили огромные проблемы в подходах к пониманию демократии, но и вызвали целый ряд исследований, посвященных прочтению данного политического режима. Уместно привести цитату М. Каддафи: «Игра в партию – это ханжеский фарс, облечённый в форму демократии, но по существу построенный на эгоизме и деспотизме, в основе которого лежит маневрирование, трюкачество и политиканство».

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является консociативная демократия в постконфликтных обществах. Автор ставит своими задачами рассмотреть демократию и разделенные общества, показать консociативную демократию как механизм управления конфликтами, проанализировать возможность консociативной демократии на примере Боснии и Герцеговины.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности,

методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать возможность применения консociативной демократии в Боснии и Герцеговине.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском и сербско-хорватском языке, что определяется самой постановкой темы. Из используемых автором исследований отметим ставшие классическими работы С. Хантингтона и Й. Шумпетера, рассматривающих различные аспекты политической системы, а также труды Е.Г. Пономаревой, Е. Соколовой, И.В. Кудряшовой и Е.Ю. Мелешкиной, в центре внимания которых находятся политические процессы в Республике Босния и Герцеговина. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как консociативной демократией, в целом, так и ее использованием на территории бывшей Югославии, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что стремится выяснить, «как формальные и неформальные консociативные институты влияют на процессы умиротворения и демократизации глубоко сегментированных постконфликтных обществ». В работе показано, что «основная функция консociативных механизмов в постконфликтных обществах – положить конец конфликту и, что более важно, предотвратить возобновление насилия, а не построение демократии». Автор отмечает, что «мотивы принятия консociативной схемы многочисленны, но преобладают объяснения, объясняющие такую последовательность событий рациональным выбором воюющих сторон, основная цель которых не состоит в том, чтобы оказаться в подчиненном положении в послевоенной расстановке сил».

Главным выводом статьи является то, что Босния и Герцеговина «является примером такой организации общества, власти, политики и жизни в целом, где ни равное деление власти, ни равные права всех его граждан не являются гарантией успешного осуществления консociативизма, основной целью которого является установление мира».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Международные отношения».